

БИБЛИОГРАФИЯ

АНТОНИЙ,
митрополит Минский и Белорусский

Ch. Saumagne.
Saint Cyprien évêque de Carthage et «pape» d'Afrique.
Paris, 1975, 200 pp.

Х. Сомань.
Святой Киприан, епископ Карфагенский и «папа» Африканский.
Париж, 1975.

Автор книги — крупный ученый, юрист, знаток римского права, много работавший по вопросам землевладения в Римской Африке. Св. Киприан привлек его внимание еще в 50-х годах; он посвятил ему две статьи¹, мысли которых в разработанном и дополненном виде и легли в основу этой книги.

Книга поражает повизной и оригинальностью своих построений и выводов. Новизна и оригинальность не всегда, однако, являются порукой правильности мыслей и серьезного желания увидеть, разглядеть с невозможнейшей точностью события, о которых идет речь.

Концепция Соманя, в основном, следующая. Римское государство не преследует христиан; оно хочет жить с ними в мире, охотно приходит им на помощь и склонно видеть в христианстве новую опору для своей власти. Эта тенденция государства оправдана настроенностью преобладающей части христианского общества: христиане хотят мирного и согласного жития и с окружающим их языческим миром, и с государственной властью, требования которой совершать «римские обряды» и приносить жертву богам они спокойно выполняют, не видя в том никакого ущерба своей вере. Всё шло бы тихо и гладко, не будь некоторых епископов, непримиримо враждебных государству. И тут на первом месте стоит св. Киприан. Это вовсе не тот человек, с которым нас познакомили Бенсон и Монсо²: епископ, всецело поглощенный заботой о Церкви и о своей пастве; это — политический деятель, революционер, страстно ненавидящий Рим, мечтающий создать «град Божий» — Церковь, которая подорвет основы Римского государства и займет его место. Он идейный вдохновитель туземных мятежников, восставших против Рима, готовый подать им и материальную помощь, если в ней возникнет нужда.

Опорой этим ошеломляюще новым воззрениям служат трактат св. Киприана «De catholicae ecclesiae unitate» и его 62-е письмо.

Упомянутый трактат, по словам Соманя, направлен против государства и его намерения «включить африканское христианство в систему Римского государства» (с. 86). Государство предлагает Церкви мир, но это мир мнимый, и Церковь должна его отвергнуть, ибо его сулит «враг» — император Деций, инспирированный самим дьяволом. «Слова Киприана не позволяют сомневаться, что он имеет в виду именно Деция» (с. 85).

Обратимся к самому трактату. Он был написан тогда, когда враги св. Киприана откололись от Церкви, организовали свою «церковь» и самочинно поставили себе епископа. В это же время возникает и ересь Новациана. Трактат целиком посвящен обличению раскольников и еретиков и доказательству того, что может быть только одна Церковь; общество людей, отколовшихся от Матери-Церкви, Церковью почитаться не может. Церковь едина: расколышники и еретики, обезумев в неистовстве раздора,

¹ La persécution de Dèce à Carthage d'après la Correspondance de s. Cyprien. Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France, 1959, pp. 23—42; La persécution de Dèce en Afrique d'après la correspondance de s. Cyprien. Byzantion, 1962, t. 32, pp. 1—29.

² E. W. Benson. Cyprian, his Life, his Time, his Work. London, 1897; P. Monceaux. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Paris, 1902. (Второй том этого труда целиком посвящен св. Киприану.)

осмеливаются ее раздирать (*scindere*). Они нарушают единодушие (*unianimitas*, *concordia*) и мир, которые Христос завещал Церкви. Слово «мир» (*pac*) встречается в тексте 17 раз; неизменно речь идет о мире внутри Церкви. Примечательно, что со словом «мир» обычно соединяются *concordia* и *unianimitas*; мир в Церкви обеспечен тем, что у членов ее «одно сердце и одна душа». Это единодушие и нарушили раскольники. «Тот, кто нарушает мир и согласие Христовы, действует против Христа» (6). Какой «мир», т. е. возвращение в Церковь и Евхаристическое общение, могут дать враги братьев (13)? Этот «плод мира» (*praemium pacis*) не могут получить те, кто «в неостовстве раздора разрушили мир, дарованный Господом» (11). «Мира должен искать и хранить его сын мира; от злого разногласия должен он удерживать язык свой» (24). «Христос дал нам мир, учил быть единосердными и единодушными» (14). «Если мы дети Божии, то должны соблюдать мир» (24). «Тот, кто в безумии раздора раздирает Церковь, разрушает веру, расстраивает мир» (15).

О *pac publica* — мире, который дает государство, о провозглашении его даром дьявола нет ни слова, о Деции — ни намека. Почему «лукавый враг», расставляющий ловушки, «несомненно Деций»? Почему Сомань считает, что под «змеем, который тайком подползает», св. Киприан подразумевает Деция? Стоит перечить первую главу трактата, чтобы убедиться, что св. Киприан говорит о дьяволе: «При самом возникновении мира он воспользовался доверчивостью неопытной души и обольстил ее лютной ложью; пытаясь искушить Самого Господа, он подобрался к нему тайком...» (1). Не Деций же беседовал с Евой и не Деций искушал Христа.

Вот текст св. Киприана, который, по мнению Соманя, неопровержимо доказывает, что трактат «О единстве Вселенской Церкви» направлен именно против Деция. Он настолько важен, что приводим его в переводе (своем) и в подлиннике:

«Враг обманывает неосторожных, сохраняя за ними имя христиан. Он выдумал ереси и расколы (Деций в роли ереснарха!), он выхватывает людей из Церкви... люди, не утвердившиеся еще в Евангелии, не устоявшие в соблюдении его заповедей, называют себя христианами... враг обманул их лестью; он, по словам Апостола, преображается в ангела света, а слуг своих вооружает как слуг правды. Они объявляют ночь днем, погибель спасением... антихриста именуют Христом».

«*Inimicus... sub ipso christiani nominis titulo fallat incautos. Haereses invenit et schismata... rapit de ipsa ecclesia homines... cum evangelio Christi et cum observatione eius et lege non stantes christianos se vocat... blandiente adversario atque fallente, qui secundum apostoli vocem transfiguratur se velut angelum lucis et ministros subornat suos velut ministros iustitiae adserentes noctem pro die, interitum pro salute... anti-christum sub vocabulo Christi*».

Последние строки в переводе Соманя гласят: «Мнимые служители правды уверяют, что смерть (духовная) должна быть признана спасением, а антихрист (т. е. император) божественным гением». «Намек на формулу молитвы «*Pro salute et per genitum imperatoris*» очевиден» (с. 86).

Перевод явно не соответствует тексту. Автор предисловия к книге Соманя (она издана после его смерти) проф. Лассюс пишет, что Сомань не делал ссылок на венское издание творений св. Киприана (*Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*) и что редакция, в меру возможности, постаралась восполнить этот пробел. Сомань дает столько точных переводов, приводит столько кратких выдержек (два-три слова) из текста св. Киприана, что невозможно допустить, будто он писал по памяти, в текст не заглядывая. Его переводы, в том числе и этого текста, за исключением последней строки, сделаны с венского издания. Как же объяснить разницу между текстом Гартеля (редактор творений св. Киприана в венском издании) и тем, который Сомань положил в основу своего перевода? Текст Бевено, который по тщательному сравнению и изучении рукописной традиции названного выше трактата внес некоторые поправки в текст Гартеля³, в данном параграфе вполне согласен с Гартелем. Никаких конъектур, насколько нам известно, к этому тексту сделано не было. Если Сомань предложил собственную, он должен был доказать ее «право на существование», прежде всего палеографически, иначе он подает повод к подозрению в подделке текста, произвольного измененного в смысле, для автора нужном.

Убедительность любой исторической работы зависит от убедительного истолкования источников, на которые эта работа опирается, и первое требование к исследователю: он должен «слушаться текста», т. е. уловить мысли автора, а не приписывать ему собственных; услышать то, о чем свидетельствует текст, а не то, что хочется услышать его истолкователю. «Непослушный» исследователь всегда внушает недоверие и неизбежно наводит на мысль, что он не стремится узнать, «как же, собственно, было на самом деле» (слова Ранке), а требует подтверждения своим предвзятым мыслям. Именно этого требовал Сомань от трактата св. Киприана, насильнически трактуя текст, не останавливаясь перед его искажением. Трудно представить, чтобы спокойное чтение трактата могло оставить хотя бы малейшее сомнение в его исключительной занятости тем, что касается Церкви и только Церкви. Невольно спрашиваешь себя: прочел ли Сомань «*De catholicae ecclesiae unitate*» целиком, не ограничился ли только первой страницей, откуда выхватил слова «*Sub doli hostis insidios*», и не читал даль-

³ M. Bevenot. *The tradition of Manuscripts*. Oxford, 1961.

ше — дальнейшие строки убедили бы его в том, что они относятся к дьяволу, — решил, что св. Киприан говорит о Деции?

Итак, «*De catholicae ecclesiae unitate*» отнюдь не противоправительственный памфлет; он не дает никакого права видеть в св. Киприане убежденного врага Рима. А как же сношения с мятежными туземцами? Прочтем 62-е письмо. Содержание его следующее.

Восемь нумидийских городов подверглись нападению варваров, которые захватили и увели в плен какое-то количество людей. Епископы, возглавляющие христианские общины этих городов, обратились к Карфагенской Церкви, как к самой богатой, за помощью: нужно собрать деньги, чтобы выкупить пленных, иначе им угрожает рабство. Собрано было 100 000 сестерций, которые св. Киприан и отправил епископам пострадавших общин в сопровождении письма, дышащего любовью и участием.

Почему, спрашивает Сомань, деньги собраны на выкуп захваченных христиан? Разбойничьей шайке не было времени разбираться, кого они хватают. Самое суммарное, но только внимательное использование 62-го письма приводит к выводу, что какое-то число христиан, в частности «невесты Христовы», давшие обет пожизненного целомудрия (в этой связи можно думать, что захваченные «братья» были холостяками и, может быть, клириками), принудительно задержаны как заложники, гарантирующие уплату назначенной суммы; перед нами мера, предпринятая законной властью против туземного населения как наказание или в предупреждение волнений в его среде.

Varbari, упоминаемые св. Киприаном, это вовсе не туземцы-разбойники; «если всмотреться ближе», то оказывается, что это римские военачальники, под командой которых состоят отряды варваров-язычников. Это, конечно, не разбойники, но «гонители» (с. 168—171).

Нельзя не признать удивительной ловкости, с какой простой и ясный текст превращается под руками Соманя в загадочную картинку, которую уверенно и остроумно, не снисходя до доказательств, объясняет он читателю. Разбойники хватают, конечно, тех, кто попался под руку, не выделяя христиан, ни язычников, но понятно, что помощь оказывается христианам: предстоятели местных Церквей обратились за помощью к Церкви-Матери, и сбор денег был проведен среди христиан. Если св. Киприан особо упомянул *virgines Christi*, то это не значит, что он не думал о судьбе всех девушек, оказавшихся в плену (мысль о холостяках — «братьях» — о таковых в тексте нет ни слова — заставляет предполагать, что Сомань страдал навязчивой мыслью о разврате в христианской, особенно в церковной, среде). Почему «при ближайшем всматривании» читатель должен увидеть в «варварах» (*in manibus barbarorum*) не разбойников — беглецов, которые, пользуясь тем, что римского легиона в Нумидии нет, решили поживиться на счет беззащитного населения, а местные войска и римских офицеров, ими командующих?

Сомань располагает единственным фактом: помощь захваченным в плен христианам, которая объясняется просто и естественно. Предвзятое истолкование этого факта он делает основой своего дальнейшего бездоказательного комментария, но весь этот комментарий — доказательство того, что ему нужно связать св. Киприана с туземным населением и сделать его вдохновителем «активной и воинственной ненависти» к Риму. Только при насильственном обращении с текстом, при узаконении для себя метода вымогания нужного для собственной концепции можно было превратить трактат «О единстве Вселенской Церкви» в противоправительственный памфлет и 62-е письмо сделать свидетельством идеологической связи между Карфагенским епископом и местными разбойниками.

Доказательством наступления Церкви на государство служит работа Соборов (в Карфагате с 251 по 256 г. было семь поместных Соборов). Их постановления — это ясная, последовательная и агрессивная система установлений духовного, нравственно-го и политического порядка, создатели которой не скрывали своей цели заменить ею систему государственных установлений (с. 97).

Мы хорошо осведомлены о деятельности Карфагенских Соборов. О ней в ряде писем говорит св. Киприан (письма 44, 45, 48, 55—57, 59, 61, 64, 67, 68, 70—73). Сохранились «сентенции» — мнения епископов, участников трех последних Соборов, относительно крещения еретиков. Каким образом все эти решения о прощении отступников, о крещении младенцев, ответ на жалобу двух испанских общин, которым поставили в епископы отступников, выговор епископу, необдуманно принявшему священника-отступника, можно рассматривать как угрозу Римскому государству, как систему установлений, которые рассчитаны на то, чтобы смести его установления?

Хорошим примером, до какой степени Сомань не любит «слушаться текста», служат письма 76—79.

В августе 257 года св. Киприан был выслан в Курубис и там узнал, что девять нумидийских епископов вместе со своим клиром «помещены в рудниках» — *in metallo constituti*. Слова эти, по мнению Соманя, понимать буквально не следует: все сосланные живут, говоря современным языком, «на вольном поселении», как и св. Киприан, который говорит, что он *relegatus* — «выслан». Обратимся к тексту.

«Я сам должен был бы прийти к вам, — пишет св. Киприан, — если бы и меня, высланного за исповедание, не держало в границах своих назначенное мне место» (*nisi me quoque ob confessionem nominis relegatum praefiniti loci termini coercerent*).

Из этих слов явствует только, что св. Киприан, как и его нумидийские собратья, лишен свободы передвижения — для дальнейших заключений они основания не имеют.

Киприан, хорошо представляя себе жизнь «помешенных в рудниках», пишет им, чтобы их ободрить и утешить. Страдания, которые они переносят (жестокое побоевание перед отправкой, оковы, холод, голод), — только ступени, по которым они поднимаются к венцу славы, их ожидающему: «Торжествуя стоите вы, ожидая обещанной от Бога награды... вы знаете, что с вами Христос, радующийся терпению рабов Своих, идущих по Его пути и по Его следам в жизнь вечную» (76, VII, 1). Сомань утверждает, что никаких страданий сосланные не знали и не испытывали; их выдумал св. Киприан: будучи одержим страстным желанием мученичества для себя и для окружающих, он не в состоянии видеть действительность в ее настоящем виде.

Как должен был ответить на это, по мнению Соманя, бредовое письмо его адресат? — Успокоить своего фантазера-корреспондента, уверив его, что никаких мук «помешенные в рудниках» не ведали. Вместо этого сосланные епископы пишут, каким утешением были для них слова св. Киприана: они залечили их раны, разогнали темничный мрак и смрад, уравнили груди накопанной руды (77, III, 1). Какие факты дали право усомниться в том, что св. Киприан не бредит, а имеет в виду реальную действительность? Что епископы, работающие в шахтах, были вправду утешены его вдохновенным и сердечным письмом? Можно подумать, что перед нами не переписка почтенных иерархов, стоящих (они это знают) на пороге смерти, а упражнения прилежных школьничков, соревнующихся в сочинительстве на вымышленные темы, или письма двух несчастных безумцев, лихорадочно сверяющихся своей бред.

Св. Киприан отправил сосланным помощь — «то, что было необходимо для наших телесных нужд и чего нам не хватало» (77, III, 2): вероятно, съестные припасы, одежду, деньги. Чтобы отправлять такую посылку, рассуждает Сомань, надо быть уверенным, что те, кому она отправлена, ее получат, а получить ее могли только люди, находящиеся на свободе, но не «помешенные в рудниках». Почему? Церковь всегда стремилась оказать помощь заключенным и работающим в шахтах: препятствия — одним посылать, а другим получать — не было. Справку об этом можно было навести у Гарнака (*Mission und Ausbreitung des Christentums*. В. I. Leipzig, 1906, S. 142 и примеч.).

С епископами, утверждает Сомань, пошло «множество народа»: среди которого были и девшцы, и дети. Основывается он на следующих строках: «Много людей последовало вашему примеру (*exemplum vestrum* — только примеру). они связаны с вами крепкими узлами любви, не отделены они от своих предостателей ни темницей, ни рудниками (*a praepositis suis nec carcere nec metallis separati*)». Люди эти, следовательно, не находятся вместе с сосланными епископами. Сомань настаивает на присутствии женщин среди сосланных и намекает, что в кругу «помешенных в рудниках» шел грязный разгул. Упреки христианам в оргиях (об этих обвинениях подробно рассказал в своем «Октавии» Минуций Феликс) можно, оказывается, при известной настроенности, повторить и семнадцать веков спустя.

Сомань уделяет большое внимание исповедникам и той роли, которую играло государство в выдаче ими «разрешительных записок». Напомним вкратце события того времени.

Приказу Деция принести жертву Капитолийской Триаде «о здравии и благоденствии императора и его дома» африканские христиане покорились, по свидетельству св. Киприана, не прекословя; нашли, однако, кучка ослушников, заявивших, что жертву они не принесут. Их посадили в тюрьму, а затем на время выслали из родных мест. Затем некоторых вновь посадили. Всех их, «исповедовавших имя Христово», и называют «исповедникам»; скончавшиеся в тюрьме от пыток и жестокого режима — «мученики». Все они люди пламенной веры; в исповедании ее они видели смысл жизни, шли на смерть, как на праздник, и желали друзьям мученичества, как желают счастья. Они были твердо уверены, что перед ними распахнуты врата вечности; им раскрыты объятия Христа, их Вождя и Друга, и в занимающейся заре этой небесной славы таяли и уплывали «вся красная» земли.

А культурный уровень этих людей не высок: в большинстве своем это безграмотные простцы. Слова св. Киприана о главе карфагенских исповедников Лукриане — «не укреплен чтением Божественных книг» (27, I, 1) и: «в понимании Писания не искусен» (27, III, 2) — можно отнести ко всем его товарищам. Они не имеют понятия о церковной дисциплине, не понимают всего значения таких таинств, как Покаяние и Евхаристия. Богословски и нерковоно они невежественны, по этого не сознают и приспешники убеждения в своей значительности и в том, что в христианской среде занимают они ранг высокий. Нельзя отрицать, что для этой самооценки были основания: среди всеобщей растерянности, многочисленных измен и отречений они пребыли верны даже до смерти. Христианское общество, включая клир и самого св. Киприана, их глубоко чтит. Это еще увеличивало у них горделивое сознание своего превосходства: скромность — не их добродетель. Это была христианская воляница, и доставила она Церкви хлопот не мало.

На противоположном полюсе христианского мира стоят отрешившиеся от веры — «павшие».

Дециево гонение утихло быстро, и «павшие» оказались в положении трудном. Была для этих людей в христианстве некая притягательная сила, заставившая их при-

соединиться к общине, которую язычество, в III веке еще достаточно сильное, недолго любило и при случае преследовало. Теперь они выброшены из этой общины, а с ней их уже связывает тысяча нитей — семей, дружбы, обычных житейских дел. И они лишены Церкви, их не допускают к Причастию, а это им трудно. Церковь, в лице епископа, их не отвергает, но требует длительного покаяния. Легко ли жить годы отверженцем?

Вся христианская община была уверена, что молитва исповедников сильна перед Богом, что Он ее слышит. Неужели просьба исповедника не смягчит епископа, в чьей власти принять заблудшую овцу? Надо обратиться к исповедникам: пусть пошлют епископу «записку» (*libellus*) с просьбой дать «мир», т. е. принять в евхаристическое общество такого-то и такого-то.

В такой мысли и просьбе не было ничего грешного и противоцерковного. Беда от «записок» пришла потому, что «записками» искусно воспользовались для своих целей враги св. Киприана.

Мы имеем о них представление смутное: это были какие-то люди, несомненно, с весом и значением, но только не в христианских кругах. Среди них находились и те пятеро священников, недовольных избранием св. Киприана в епископы, и один из создателей расколыничьей общины, известной под именем «Церковь на горе», богатый и влиятельный мирянин Фелициссим. Они хотели подорвать авторитет св. Киприана и сместить его с епископской кафедры, но, видимо, понимали, что сделать это своими силами они не смогут: против епископа надо было двинуть силу более авторитетную; таковой оказались исповедники.

Обстоятельства как раз сложились благоприятно для врагов епископа: его неисклонность, тоска «павших», их обращение к исповедникам. Исповедников убедили, что они, воины Христовой рати, значат больше, чем епископ, который сбежал и спрятался в то самое время, как их пытали и мучили, что они кровью своей купили право прощать грехи. «Ясно, откуда пошла партия Фелициссима и где ее корни, — пишет св. Киприан. — В свое время они ухаживали кое за кем из исповедников, ласкали их, беседовали с ними и уговаривали не быть в согласии со своим епископом и не соблюдать за верой и в спокойствии церковной дисциплины» (43, II, 1). Исповедники «в угаре своей славы, не считаясь с Писанием, пожелали того, что шло вразрез с законом Господним» (16, III, 2): люди, не имевшие никакого права «вязать и решить», стали отправлять епископу не просьбы, а приказы: «пусть такой-то вместе со своим будет принят в общине» (15, IV). И в заключение такое письмо: «Все исповедники епископу Киприану. Знай, что мы все дали «мир» тем, кто даст тебе отчет в том, как они вели себя после содеянного. Мы желаем через тебя уведомить и других епископов об этом руководящем правиле. Желаем тебе пребывать в мире со святыми мучениками. Писал Лукиан...» (23). Об этом письме св. Киприан писал, что оно «уничтожает узы веры, страх Божий, завет Господень, святость и силу Евангелия» (письмо к римскому клиру 2, II, 1). Сомань находит, что тревога св. Киприана объясняется боязнью за свою епископскую власть и тем, что он «более внимателен к дисциплине, чем к вере» (с. 75). Можно ли их противопоставлять? Церковная дисциплина требует повиновения тому, что заповедано верой. Церковь от первых дней своих знала, что право прощать грехи Господь дал апостолам (Мф. 16, 10; 18, 18; Ин. 20, 23), они же передали его своим преемникам — тем, на ком была благодать священства. Исповедники-миряне, присвоив это право себе, уничтожали самые основы церковного строя: для совершения таинств не требовалось благодати, ниспосланной Духом Святым, они становились актом, лишенным силы и значения; церковная иерархия оказывалась ненужной, земная Церковь лежала в развалинах. Естественно, что св. Киприан со всей энергией устремился на борьбу за «дисциплину»; это была борьба за «веру», за самое существование Церкви на земле.

О том, как правы были враги св. Киприана в своих расчетах и в каком трудном положении он оказался, говорить сейчас не место. Вернемся к Соманю и его рассказу осылке ослушников и вторичном их аресте.

Проконсул (дело идет о проконсульской Африке) мог выслать виновных в любую область своей провинции. Рассылал ли он их в разные места, учитывая, что лучше этих ослушников «рассредоточить»; отправлял ли скопом в какую-то одну область — мы не знаем. Можно только, с некоторой уверенностью, сказать, что выслали их — дальше от Карфагена, в места относительно пустынные и с населением преимущественно языческим. Сомань решил, что для высланных был организован некий «концлагерь»: им было указано одно, строго ограниченное место, где они и находились под надзором местной администрации. Этого утверждения своего он ничем не доказывает, и наши источники о таких «лагрях» ничего не говорят.

Почему исповедники по возвращении из ссылки оказались вновь в тюрьме, почему их режим так строг, почему их пытаются? Вот ответ Соманя: государство благовоит к «павшим»; это как раз те люди «облегченного христианства», которые принесением жертвы выразили свою полную покорность государству, свое желание жить с ним в мире. И оно охотно идет к ним на помощь. «Павшие» хотят вернуться в Церковь, епископ их не принимает, но — враги св. Киприана объяснили это властям — можно обойтись и без него: стоит лишь обратиться к исповедникам. Вернувшихся из ссылки (а может быть, и нарочно до срока возвращенных) бросают в тюрьму и подвергают пыткам, заставляя выдавать упомянутые «разрешительные записки». Исповедники со-

противляются, но потом уступают. Начинается раздача «записок» «кучками» (gretatim).

Соманю так важно доказать благожелательное отношение государства к христианам и возможность их мирного сосуществования, возможность, которой мешают такие враги Рима и государственной власти, как св. Киприан, что он не дает никаких объяснений удивительному факту, проходит мимо, его не замечая. Если исповедников пытаются, чтобы они согласились на раздачу «записок», то когда согласие получено и цель пыток и заключения достигнута, естественно прекратить и допросы и пытки. Почему же «благословенный мученик Павел», заявивший другому мученику Лукиану: «Если кто после отхода моего попросит у тебя «мира» (т. е. принятия в Церковь), дай его во имя мое», отправляется всё же на допрос, после которого умирает? Почему Лукиан, сообщивший в письме своему другу: «И все мы, кого Господь удостоил призвать к Себе в эту бурю, все с общего согласия дали вам «мир»» (22, II, 1), отправивший св. Киприану вышеприведенное письмо (23-е) и раздававший «записки» тысячами, умер в тюрьме, умученный ее страшным режимом? Пытки и выдача «записок», видимо, не стояли в связи, а если так, то, следовательно, государство вовсе не устремлялось на помощь «павшим».

Почему же все-таки исповедники в тюрьме, почему их пытаются? Не дал ли ответа сам св. Киприан? «Исповедники, которые должны быть примером доброй нравственности для других, не соблюдают церковных требований. Некоторые, не стесняясь, надменно и бесстыдно превозносились своим исповедничеством, и вот пришли пытки» (11, I, 3). Вспомним настойчивые его увещания исповедникам быть смиренными, спокойными и молчаливыми (13, III, 1; 14, II, 2). Многие из них были, видимо, слишком беспокойны и говорливы. Если, видя в себе защитников христианской веры, они оскорбили языческих богов и вообще как-то задели религиозное чувство толпы, то ответом был взрыв дикой, необузданной ярости⁴. Потушить ее и предотвратить, может быть, погром еще более страшный было проще всего арестом особо неугомонных защитников христианства. Власти это и сделали. Было ли всё дальнейшее: допросы, пытки, суровый режим — продиктовано желанием успокоить и утишить взволнованную чернь? Решил проконсул, раздраженный поведением этих упрямцев и ослушников, воспользоваться случаем и, следуя примеру недавних своих предшественников (см.: Тертуллиан. К Скапуле, 3), вразумить христиан? Несомненно одно: христиане в тюрьме, их мучат и умучивают до смерти, добываясь... чего?

Ответ мы найдем в письме 56-м, где говорится о трех гражданах города Капсы — Нине, Клементиане и Флоре, которые три года каялись в совершенном ими проступке. Какое?

Захваченные во время преследования, люди эти «исповедали Господа, победили свирепость магистрата и грозный ропот народов... умученные и побежденные пытками, они лишились той славы, к которой направлялись с мужеством, продиктованным верой... Упорствуя в своей непоколебимой вере, они перенесли тюрьму и долго выдерживали угрозы проконсулов и рев окружающей толпы, хотя их вновь и вновь мучили и терзали... по немощи плоти они не смогли получить венец за свое исповедание... измученных терзали не затем, чтобы победить их непобедимую веру, но чтобы истощить немощную плоть».

Вся обстановка допросов, как она передана св. Киприаном, самые слова, которые он неизменно употребляет, представляя исповедников как бы воинами, идущими в битву за Христа: *militia, acies, pugna* — свидетельствуют, что Нина, Клементиана и Флора обвинили как христиан и каялись они в отречении от своей веры, а вовсе не в том, как полагает Сомань (с. 84), что они согласились на выдачу «записок», за что покаяния не накладывалось. От людей, посаженных в карфагенскую тюрьму, требовали не «записок», а отречения от веры.

56-е письмо — еще лишнее подтверждение поразительной системы Соманя: он не видит того, что есть в его источнике. Приведенный им перевод одного места из этого письма свидетельствует о том, что латинский текст лежал у него перед глазами. Почему же трое упомянутых мужчин превратились у него в «супружескую пару, мирно проживавшую в степях Капсы», а шесть епископов, приехавших в Капсу на торжественное поставление епископа, — в клириков-миссионеров, посланных св. Киприаном из Карфагена на юг проконсульской Африки? Почему людей, о которых определенно сказано, что они «исповедали имя Христово», но не выдержали пыток и отреклись и затем три года каялись в этом отречении, он заставил каяться в согласии на выдачу «записок»? Если Сомань не доверяет своему источнику, он обязан объяснить это недоверие и доказать его основательность.

Ознакомившись с методом работы Соманя, займемся его характеристикой св. Киприана. Сомань не любит его. Каждому человеку разрешено любить и ненавидеть, но историку это разрешается, так сказать, «в частном порядке»: свою работу он должен писать *sine ira et studio*, по крайней мере, сознательно к этому стремиться. Сомань не стремился.

⁴ Св. Киприан об этой ярости говорит: «*Fremitum populi furentis*» (56, II, 1); в письме 40-м рассказывает о зверском самосуде, учиненном над христианами в каком-то городе.

Оставим в стороне издевательские насмешки Соманя: комья грязи, которые бросают в людей высокой души и чистой жизни, от них отлетают, их не забрызгивая. Остановимся на серьезных обвинениях, предъявленных Святому.

Сомань настаивает на том, что св. Киприан враждебен римскому правительству и эта враждебность отчетливо сказывается и в словах и на деле: в сочинении «De catholicae ecclesiae unitate» и 62-м письме (о них мы уже говорили) и в отказе немедленно вернуть в Церковь «павших», т. е. как раз тех христиан, которые были властями покорны и к которым власти благоволили.

Для большинства представителей римского культурного общества боги старой римской религии были давно мертвы; они ожили для христиан в страшном облике злых бесов. Для римского магистрата жертва Юпитеру Капитолийскому была чистой формальностью, совести не отягощавшей, и он с понятным изумлением и негодованием смотрел на чудака, готового идти на муки за отказ бросить в огонь несколько зерен ладана. Для него это был пустой жест, ни к чему не обязывавший, но для «чудака» он был полон страшного значения: он возвращал его во власть страшных сил, от которых его освободила новая вера, лишал надежды на спасение, на вечную жизнь за гробом. И в ушах и в сердце у него раздавались слова: «Кто отречется от Меня перед людьми»... Можно понять людей, которые из боязни потерять житейские, дорогие для них блага, поднимались к храму принести жертву, но вряд ли давалось это с легким сердцем. Отрекшимся быстро приходило сознание, что ими совершено тягчайшее преступление, что они на краю страшной пропасти и удержать их от падения может лишь сила Церкви. Слова св. Киприана, что многие отступники продолжают вести прежний роскошный образ жизни, не каются, не постыются и не вымаливают прощения (De lapsis, 30), следует, по всей вероятности, отнести к меньшей части «павших». Иначе непонятно, почему «павшие» со всем пылом африканского темперамента ломаются в церковные двери, моля снять с них тяжкое бремя греховное, нести которое не хватало сил. Отсюда это нетерпение, эти поиски любых путей (обращение к исповедникам, в «Церковь на горе», легко принимавшую отступников), только бы обрести «мир», только бы подойти к Чаше. И непреклонный епископ преграждал им путь не с легким сердцем: «(Отступники) оторвали у меня и взяли с собой часть моего сердца; у меня болят их раны» (17, I, 1). Но он знал, как знали и те, кто его умолял, что совершен тяжкий грех; пусть же помнят, что «нетерпеливое требование «мира» прогневает и оскорбит Господа» (там же). Не враждой к государству, а искренней, настоящей заботой о спасении «павших» продиктован был его отказ в немедленном принятии их в церковное общение. С государством св. Киприан хотел жить в мире и старался — средствами ему доступными — обеспечить это мирное сожительство; скрылся из Карфагена потому, что его присутствие «может вызвать у язычников взрыв яркой ненависти» и он окажется «виновным в нарушении мира» (7, I); напоминал, что «спокойное поведение, скромность и тихий добрый нрав приличествуют всем христианам» (13, III, 1); предостерегал карфагенян от больших сборищ: «Мы должны... соблюдать спокойствие» (5, II, 1). Вспомним его наказания исповедникам, его печаль по поводу их слишком шумного и бестактного поведения. Как в его письмах, так и в его трактатах не видно ни желания вмешаться в дела государства, ни, тем более, стремления на них повлиять. Такое стремление шло бы вразрез с самыми основами мировоззрения св. Киприана. Как многие его современники, и он был убежден, что мир, обветшалый и обесиленный, идет к концу; тревоги и беды того времени поддерживали это ожидание скорой и всеобщей гибели; не стоило прилагать усилий к земному устройению, но всё внимание следовало обратить на то, чтобы из нынешних и грядущих бурь вывести целым и невредимым тот корабль, на котором только и можно уцелеть и спастись, — Церковь. О ней и о ее людях, об их спасении и душевном здоровье все мысли и заботы св. Киприана. Заслуги его перед ней велики. Он сохранил ее единство, отразив ересь и раскол, грозившие ее «разодрать». Непреклонно твердый в соблюдении евангельских заповедей и апостольских заветов, отказывавший в «мире» «павшим» и милосердно их утешавший и скорбевший с ними, он сумел удержать их в Церкви и убедил дожидаться решения их участи на Соборе. Под его умным и твердым руководством Карфагенская Церковь приобрела такой авторитет, что к ней обращались за помощью и советом христианские общины Испании и Галлии. Церкви отдал он после обращения всю свою жизнь и ее утвердил своей мученической кончиной.

Книгу Соманя закрываешь с чувством горького недоумения. Почему крупный ученый пренебрег в этой работе элементарными правилами, обязательными для исторического исследования? Ученый имеет право на самые смелые гипотезы, но он обязан их доказывать, честно анализируя свои источники. У Соманя такого анализа нет. Больше того, многие страницы его книги убеждают в том, что он не захотел внимательно и спокойно прочесть тексты, на которые опирается. Весь во власти предвзятых мыслей и представлений, он не слышит того, о чем внятно и вразумительно говорят его документы. Что добавила его книга к разработке вопроса о гонениях на христиан, о роли св. Киприана в церковной жизни того времени? Фейерверк остроумных мыслей и отважных гипотез не есть исследование: фейерверочные огни гаснут быстро и бесследно.